

стратегическое положение крестоносцев между стенами и морским берегом; император Алексей, видя невозможность принудить Готфрида к личному свиданию, на этот раз не ограничился запрещением продавать съестные припасы и выслал ночью стрелков, которые издали перебили многих крестоносцев, ходивших по берегу или смотревших из окошек зданий.

VIII. Когда герцог узнал о том (то есть об избииении своих греками), он созвал князей народа и по общему приговору дал своему брату (Балдуину) поручение поспешно занять вместе с отрядом войска мост, который вел к ним, чтобы им не отрезали пути и не нанесли тем вреда. Балдуин немедленно взял с собой 500 тяжеловооруженных рыцарей и силой овладел тем мостом. Между тем против них выступили вражески не только те, которые были высланы, но и почти весь город вооружился на них. Наши же, видя, что противники вооружились не с добрым намерением и что все граждане бросились к оружию на погибель им, предали огню все здания, в которых они были помещены, на пространстве 6 или 7 миль, и которые принадлежали частью императору, частью же гражданам. Затем они собрались по трубному звуку из своих квартир и не медля пошли за герцогом, который, построив поспешно ряды войска, потянулся к мосту. Люди более опытные в военном деле особенно опасались того, чтобы неприятель не занял моста, через что они могли бы быть на узком пространстве весьма стеснены; вследствие того там была выставлена поспешно вся конница, прежде чем могли собраться пехотные полки. Но государь Балдуин, брат герцога, как сказано выше, выступил вперед, овладел мостом, несмотря на сопротивление неприятеля, обратил врагов в бегство и обеспечил нашим противоположный берег реки. Тогда переправился через мост и герцог вместе со всем войском и багажом и расположился без всякого затруднения на свободном и широком месте, перед городом. Там завязалась с неприятелем борьба, между церковью св. мучеников Космы и Дамнапа — пыне (то есть в конце XII в.) это место называется обыкновенно *замком Бозмунда* — и новым дворцом Влахерной, который построен в углу

города, подле ворот; дело кончилось тем, что греки нигде не могли устоять против наших и к вечеру должны были отступить в город. Наши же, мужественно удержав за собой поле битвы, расположились, как победители, лагерем в удобном для себя месте. Вероятно, горожане напали бы снова, и при обоюдном раздражении произошла бы более жестокая схватка и более сильное кровопролитие, если бы наступившая ночь не положила предела борьбе обеих сторон. Тогда только в первый раз обнаружилось несомненным и очевидным образом то намерение, с которым тот вышеупомянутый недостойный император перевел лагерь наших в другое место, а именно: у него было в виду держать их заключенными на узком пространстве и таким образом иметь в своей власти.

IX. С наступлением дня было возведено пароду подняться и вооружиться: одна часть под предводительством известных вождей должна была пойти по окрестностям, чтобы добыть всякого рода съестные припасы, продаже которых запретил император: случится ли то за деньги или силой, так или иначе, они должны забирать крупный и мелкий скот, не щадя запасов с плодами и другими жизненными потребностями; другая же часть осталась с герцогом и другими князьями для защиты лагеря. Так как они по опыту узнали коварство императора и его людей, то и решились принять все меры предосторожности против его козней. Кончилось тем, что отряды, вышедшие на фуражировку в большом числе, как конные, так и пешие, опустошив в течение 6 дней окрестности города на пространстве 60 миль, возвратились в восьмой день с таким множеством съестных припасов, что трудно поверить: с трудом могли они пнуть перед собой стада быков и повозки.

X. Пока все это происходило в лагере, к герцогу явился посол от государя Бозмунда (князя Тарентского) и представил ему письмо следующего содержания: «Знай, благороднейший из мужей, что тебе пришлось иметь дело со злейшим зверем и педогнейшим человеком, который решился никогда не быть правдивым и чистосердечным и преследовать до смерти всеми спо-